

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 3 (84). С. 109–119.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2025. Vol. 3 (84). P. 109–119.

Научная статья
УДК 323.28(100-174)
doi: 10.54398/1818-510X.2025.84.3.013

ЦИФРОВАЯ РАДИКАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В СТРАНАХ ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Холов Суруш Холович

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия
kholov102s@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-4018-2366>

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена растущей угрозой цифровой радикализации молодежи в странах Глобального Юга, где высокая доля молодого населения и расширение доступа к интернету создают благоприятную среду для распространения экстремистских идей. Цель работы заключается в выявлении ключевых факторов, механизмов и последствий цифровой радикализации молодежи, а также определении эффективных мер противодействия данному явлению. В исследовании использованы материалы из стран Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока и Латинской Америки, применены методы case-study, контент-анализа социальных сетей, экспертных интервью и статистического анализа данных о распространении радикального контента. Основные выводы свидетельствуют о том, что экстремистские группы активно адаптируют пропаганду под локальные языки, культурные особенности и социальные проблемы, используя закрытые онлайн-сообщества и алгоритмы соцсетей. Успешные стратегии противодействия, как показано на примере Малайзии, Индонезии и Сингапура, сочетают технологические решения (мониторинг контента с применением ИИ) с вовлечением гражданского общества и созданием альтернативных нарративов. Развитие систем раннего предупреждения на основе искусственного интеллекта и укрепление международного сотрудничества между государствами, технологическими компаниями и НПО определены как ключевые направления для снижения рисков цифровой радикализации.

Ключевые слова: цифровая радикализация, молодежь, социальные сети, экстремизм, Глобальный Юг, кибербезопасность, искусственный интеллект, гражданское общество, онлайн-пропаганда, международное сотрудничество, религиозный экстремизм

Для цитирования: Холов С. Х. Цифровая радикализация молодежи в странах Глобального Юга: новые вызовы безопасности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 3 (84). С. 109–119. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.84.3.013>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

DIGITAL RADICALIZATION OF YOUTH IN THE GLOBAL SOUTH: NEW SECURITY CHALLENGES

Surush Kh. Kholov

RUDN University, Moscow, Russia
kholov102s@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-4018-2366>

Abstract. The relevance of the study stems from the growing threat of digital radicalization among youth in Global South countries, where a high proportion of young populations and expanding internet access create fertile ground for the spread of extremist ideologies. The aim of the work is to identify key factors, mechanisms, and consequences of youth digital radicalization, as well as to determine effective countermeasures. The research draws on materials from Southeast Asia, the Middle East, and Latin America, employing methods such as case studies, social media content analysis, expert interviews, and statistical analysis of radical content dissemination. Key findings reveal that extremist

groups actively adapt propaganda to local languages, cultural contexts, and social issues, leveraging closed online communities and social media algorithms. Successful counter-strategies, as demonstrated by Malaysia, Indonesia, and Singapore, combine technological solutions (AI-driven content monitoring) with civil society engagement and the promotion of alternative narratives. The development of AI-based early warning systems and enhanced international cooperation among states, tech companies, and NGOs are identified as critical directions for mitigating digital radicalization risks.

Keywords: digital radicalization, youth, social networks, extremism, Global South, cybersecurity, artificial intelligence, civil society, online propaganda, international cooperation, religious extremism

For citation: Kholov S. Kh. Digital Radicalization of Youth in the Global South: New Security Challenges. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2025, no. 3 (84), pp. 109–119. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.84.3.013> (In Russ.).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, расширение доступа к интернету и социальным сетям создают благоприятную среду для распространения радикальных идей среди молодого поколения. Масштабы данного явления вызывают серьезную обеспокоенность международного сообщества, поскольку радикализация в виртуальном пространстве нередко приводит к реальным проявлениям экстремизма и терроризма. Особенно остро проблема цифровой радикализации проявляется в развивающихся странах, где сочетание социально-экономических проблем, политической нестабильности и демографических факторов создает благоприятные условия для вовлечения молодежи в радикальные движения через цифровые каналы коммуникации. По данным ООН, в странах Глобального Юга проживает более 90 % молодого населения планеты в возрасте от 15 до 24 лет [48], при этом уровень проникновения интернета в некоторых регионах превышает 70 % [22].

Целью исследования является выявление ключевых факторов, механизмов и последствий цифровой радикализации молодежи в странах Глобального Юга, а также определение эффективных мер противодействия данному явлению. Научная значимость определяется недостаточной изученностью специфики процессов цифровой радикализации молодежи в контексте стран Глобального Юга. Большинство существующих исследований сфокусированы на опыте развитых государств, тогда как особенности данного явления в развивающихся странах требуют отдельного углубленного анализа.

Методология исследования базируется на междисциплинарном подходе, сочетающем методы политической науки, социологии, психологии и исследований в области информационных технологий. Применяются методы case-study, контент-анализа материалов социальных сетей и мессенджеров, экспертных интервью, а также статистического анализа данных о распространении радикального контента в цифровой среде.

Основная часть

Теоретические основы исследования цифровой радикализации

Феномен цифровой радикализации молодежи требует теоретического осмысления в контексте современных социально-политических процессов. В научном дискурсе под цифровой радикализацией понимается процесс формирования экстремистских убеждений и моделей поведения посредством использования цифровых технологий, социальных сетей и онлайн-платформ [26, с. 1235]. Динамичный характер развития информационно-коммуникационных технологий существенно трансформирует традиционные механизмы радикализации, создавая новые каналы распространения радикальных идей и вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность. Адекватные научные определения терроризма способствуют разрушению некоторых историсофских концепций, которые в последние десятилетия превратились в устойчивые политические мифы. Одной из наиболее известных является теория «столкновения цивилизаций» [1, с. 30].

По определению Международного центра по противодействию терроризму (ИСТС), цифровая радикализация включает три ключевых компонента: систематическое воздействие через онлайн-платформы, формирование замкнутых виртуальных сообществ и постепенное погружение в радикальную идеологию через алгоритмы социальных сетей [41]. Исследования ИСТС подтверждают связь между длительностью пребывания в радикальных онлайн-сообществах и степенью принятия экстремистских взглядов [12, с. 4].

Специфика цифровой среды, характеризующаяся анонимностью, трансграничностью и высокой скоростью распространения информации, создает благоприятные условия для манипулятивного воздействия на сознание молодых людей. Высокий уровень безработицы среди молодежи,

ограниченный доступ к качественному образованию, социальное неравенство и политическая маргинализация создают благодатную почву для распространения радикальных идеологий через цифровые каналы коммуникации [10, с. 339]. По данным Международной организации труда, уровень молодежной безработицы в развивающихся странах в среднем превышает 20 %, что существенно повышает риски радикализации [17].

В исследованиях отмечено, что форумы и чаты стали одними из основных площадок для взаимодействия участников радикальных движений. Платформы позволяют создавать чувство общности и коллективной принадлежности, что особенно важно для вовлечения новых участников. Цифровые технологии сыграли решающую роль в переходе от статичных сайтов к более интерактивным формам связи, включая чаты и форумы, где взаимодействие стало более активным и менее подверженным контролю со стороны властей. Появление «Web 2.0» привело к стремительному развитию интерактивных систем связи, что открыло перед радикальными группами новые возможности для пропаганды и координации своих действий [27, с. 118]. По мере развития этих технологий наблюдался сдвиг в стратегиях привлечения: от использования контента на арабском языке к созданию материалов на английском, что расширило аудиторию и привлекло новых сторонников по всему миру [26, с. 1240]. Данные изменения позволили радикальным движениям создавать архивы и базы данных, которые служат инструментами для распространения идеологии и поддержания постоянного контакта с единомышленниками. Анонимность в таких онлайн-сообществах, как отмечается в исследованиях, содействует укреплению связей среди участников, облегчает обсуждение запретных тем и позволяет пользователям действовать в безопасности, избегая ответственности за свои виртуальные высказывания [9, с. 124].

Ключевые тенденции цифровой радикализации молодежи в государствах Глобального Юга

Хотя связь молодежи с вопросами безопасности не является новым феноменом, современный этап характеризуется переходом от локального и национального к глобальному уровню рассмотрения молодежи как фактора безопасности [43, с. 502]. Данный переход произошел через двойное движение, ускорившееся с 1990-х гг.: с одной стороны, социальная категория молодежи стала предметом растущего внимания в международной политике развития, отчасти из-за ее полезности для неолиберального проекта пересмотра и размыwania социальных гарантий; с другой – политика и дискурс развития стали все теснее связываться с глобальными проблемами безопасности после окончания холодной войны и начала «войны с терроризмом» [40, с. 856].

В контексте стран Глобального Юга специфика цифровой радикализации определяется преобладанием мобильного интернета как основного канала доступа к цифровым платформам. По данным Ассоциации GSMA за 2024 г., в странах Африки и Юго-Восточной Азии более 80 % пользователей выходят в интернет преимущественно через мобильные устройства, что влияет на форматы распространения радикального контента [42]. Социальные платформы становятся инструментом формирования виртуальных сообществ единомышленников, разделяющих экстремистские взгляды. В странах Глобального Юга, где системы модерации контента зачастую менее эффективны, проблема распространения радикального контента стоит особенно остро. Социальные сети и мессенджеры становятся площадкой для координации действий радикальных групп, рекрутинга новых членов и распространения экстремистской идеологии [47, с. 3].

Концептуальное понимание цифровой радикализации базируется на взаимосвязи технологической инфраструктуры (социальные платформы), контентной составляющей (радикальные материалы) и поведенческого компонента (изменение установок пользователей). В странах Глобального Юга данные элементы приобретают дополнительную специфику за счет культурных особенностей, языкового разнообразия и местных практик использования цифровых технологий, что требует учета при анализе механизмов радикализации [11, с. 148].

В условиях развивающихся стран существенное влияние на процессы цифровой радикализации оказывают традиционные социальные институты и культурные практики. Цифровые платформы позволяют адаптировать радикальный контент под локальный социокультурный контекст, повышая эффективность пропагандистского воздействия на молодежную аудиторию [23, с. 533].

Пандемия COVID-19 создала уникальные условия для усиления цифровой радикализации, особенно в Центральной и Южной Азии. Политическая и экономическая нестабильность, усугубленная глобальной пандемией, повысила уязвимость молодежи к дезинформации и экстремистской пропаганде через интернет [2, с. 740]. Дестабилизирующие последствия COVID-19 в сочетании с социальными проблемами создают идеальные условия для радикальных организаций, которые используют интернет для вербовки новых участников [5, с. 58]. Террористические группы успешно адаптировали свои методы пропаганды, чтобы включить нарративы, основанные на страхах и неуверенности, вызванных пандемией. В частности, экстремисты используют онлайн-платформы для распространения тезисов о том, что мусульманское сообщество подвергается нападкам и что религию необходимо защищать любой ценой.

Цифровая радикализация молодежи в контексте социальных конфликтов

Кризисные обстоятельства и социальные трудности создают идеальные условия для экстремистских организаций, которые адаптировали свои методы под социально-политические ситуации в государствах, чтобы охватить более широкую аудиторию через цифровые каналы

В государствах Ближнего Востока молодые пользователи составляют основную целевую аудиторию радикальных онлайн-сообществ [15, с. 41]. В Афганистане, после вывода войск США в 2021 г. и восстановления власти Талибана¹, отмечено активное использование социальных сетей для мобилизации поддержки и распространения экстремистских идей [20, с. 134]. Пропагандисты создавали нарративы о «победе» над Западом и распространяли их через Twitter и другие платформы, что способствовало привлечению новых сторонников и расширению числа радикальных группировок за пределами страны [28, с. 47]. Негативная репрезентация и ошибочное отождествление ислама с насильственным экстремизмом, получившие широкое распространение в западных медиа, существенно затрудняют формирование ключевых альянсов с местными сообществами и племенными лидерами, чья поддержка необходима для противодействия экстремизму, особенно в сельских районах. Как отмечается в докладе RAND, племенная культура и аффилиация могут играть существенную роль в том, насколько радикальные, насильственные формы исламизма процветают в некоторых регионах Ближнего Востока и Южной Азии [36].

Отдельного внимания требует проблема противодействия «искаженным перспективам», возникающим из-за массового распространения дезинформации в социальных сетях и других каналах цифровой коммуникации относительно текущих событий, религиозных постулатов, масштабов повстанческих движений и других аспектов. Кампании по дезинформации не ограничиваются событиями в странах Центральной Азии или вопросами насильственного исламского экстремизма [3, с. 33]. Скорее, они представляют собой «движущиеся мишени» в глобальном киберпространстве, охватывая международные и местные новости, политику и, в последнее время, события, связанные с пандемией COVID-19 и выводом американских войск из Афганистана. Ложные нарративы, отождествляющие ислам с насильственным экстремизмом, являются лишь одним примером того, как цифровая дезинформация, используемая как оружие, может стать опасной [14, с. 19]. Как отметил генерал Р. Кларк, командующий U.S. SOCOM, выступая на третьей двухгодичной конференции по конкуренции великих держав (GPCC), социальные медиа трансформировали политическую борьбу, позволяя осуществлять информационные операции с беспрецедентной скоростью и масштабом, усиленные технологиями в киберпространстве [19].

Наиболее показательным примером религиозной радикализации через цифровые каналы коммуникации выступает деятельность ИГИЛ² в странах Юго-Восточной Азии, где террористическая группировка создала разветвленную систему онлайн-пропаганды, ориентированную на молодежную аудиторию. Опыт Индонезии, крупнейшей мусульманской страны мира, демонстрирует масштабы проблемы религиозной радикализации в цифровом пространстве: за период 2019–2023 гг. через социальные сети и мессенджеры было завербовано свыше 1200 молодых индонезийцев, присоединившихся к радикальным группировкам [7, с. 1092]. В 2023 г. отчет “We Are Social” показал, что Индонезия занимает четвертое место в мире по количеству пользователей Facebook и пятое место по количеству пользователей Twitter [13]. Экстремистские группы в Индонезии используют социальные медиа для коммуникации с молодежью, обучения и сбора средств онлайн. Вербовка осуществляется через онлайн-игры, пропагандистские видео на YouTube и призывы к приобретению оружия [38, с. 239]. Распространение пропаганды ИГИЛ³ через индивидуальные аккаунты в Twitter вызывает обеспокоенность возможностью «одиночных» атак, хотя такие случаи крайне редки в Индонезии [4, с. 31].

Технологии цифровой радикализации включают создание привлекательного визуального контента, использование локальных языков и диалектов, апелляцию к религиозным чувствам и традиционным ценностям [46, с. 28]. Радикальные группировки формируют закрытые онлайн-сообщества, где происходит постепенная идеологическая обработка молодых людей через систему менторства и peer-to-peer коммуникации. Мониторинг социальных сетей показывает рост числа аккаунтов, распространяющих религиозно-экстремистский контент на индонезийском, малайском и тагальском языках [30, с. 8].

Социальная радикализация молодежи через цифровые платформы получила широкое распространение в странах Латинской Америки. Протестные движения в Чили и Колумбии 2019–2021 гг. продемонстрировали потенциал социальных сетей для мобилизации молодежи и радикализации социального протеста. Мирные демонстрации трансформировались в насильственные акции под влиянием радикального контента в социальных сетях [37, с. 68].

¹ Организация признана террористической на территории Российской Федерации.

² Организация признана террористической на территории Российской Федерации.

³ Организация признана террористической на территории Российской Федерации.

Массовые протесты, начавшиеся в октябре 2019 г. в Чили, стали одним из крупнейших социальных потрясений в стране за последние десятилетия и привлекли внимание мировой общественности. Инициатором этих протестов послужило казавшееся на первый взгляд незначительным событие – повышение цен на проезд в метро в столице Сантьяго. Однако это повышение стало лишь катализатором для накопившегося социального недовольства и вскрыло глубокие социально-экономические проблемы, с которыми сталкивались многие граждане, особенно молодежь [18, с. 229]. Социальные сети сыграли ключевую роль в организации и мобилизации протестующих, позволив молодежи использовать их для быстрого обмена информацией и координации действий. Twitter, Facebook и Instagram стали платформами, на которых распространялись сообщения о планируемых акциях, время и место их проведения, а также предупреждения о действиях полиции [21, с. 6]. Многие активисты использовали хэштеги, такие как #ChileDesperto (Чили проснулась), чтобы объединить усилия и показать миру, что это движение не ограничивается вопросом повышения стоимости проезда, а касается системных проблем, таких как неравенство доходов, недостатки в системе здравоохранения и образования [31, с. 37].

В Колумбии масштабная цифровая радикализация молодежи приобрела особую интенсивность в период социальных протестов 2021 г., известных как «Paro Nacional», когда социальные сети трансформировались в ключевой инструмент эскалации изначально мирных демонстраций в радикальные формы протеста [35, с. 12]. Анализ цифровой активности за период апрель – июль 2021 г. свидетельствует о формировании системной инфраструктуры онлайн-координации насильственных действий, охватившей множество социальных платформ [6, с. 29].

Первоначальная мобилизация молодежи осуществлялась преимущественно через Twitter, где хэштеги #ParoNacional и #SOSColombia ежедневно генерировали свыше 5 млн публикаций. Исследование контента позволило идентифицировать сеть из примерно 2000 аккаунтов, целенаправленно работающих на радикализацию протестного движения с использованием технологий машинного обучения для автоматизированного распространения призывов к насильственным действиям [35, с. 100]. Параллельно мессенджеры WhatsApp¹ и Telegram превратились в закрытые каналы координации радикальных групп через создание чатов «Primera Línea», где распространялись детальные инструкции по противодействию полиции и организации атак на государственные учреждения. Мониторинг выявил функционирование более 500 подобных групп с общим числом участников, превышающим 200 тыс. человек, преимущественно в возрасте от 16 до 25 лет [24, с. 19].

Национальные стратегии противодействия цифровой радикализации

Показательные результаты в сфере противодействия цифровой радикализации демонстрируют страны Юго-Восточной Азии, где накоплен значительный опыт борьбы с религиозным экстремизмом в онлайн-пространстве. Малайзия и Сингапур разработали стратегии, сочетающие технологические инновации с активным вовлечением гражданского общества. Индонезия успешно реализует программы по работе с религиозными лидерами и молодежными организациями для создания позитивного контента в социальных сетях.

Малайзия продемонстрировала успешный подход в противодействии цифровой радикализации молодежи через реализацию программы “Digital Youth Resilience”. Инициатива, запущенная в 2020 г., объединила усилия государственных структур, технологических компаний и гражданского общества для создания комплексной стратегии, направленной на повышение устойчивости молодежи к экстремистскому влиянию в цифровой среде [39, с. 140]. Образовательные модули включали развитие способности анализировать информацию, оценивать ее достоверность и выявлять предвзятость, а также обучение методам проверки фактов и распознавания фейковых новостей.

Индонезийский подход фокусируется на развитии альтернативных нарративов в социальных сетях через сотрудничество с религиозными лидерами и молодежными организациями. Национальное контртеррористическое агентство (BNPT) разработало программу “Digital Pesantren”, направленную на трансформацию традиционных исламских школ в центры продвижения умеренного ислама через социальные сети [32, с. 220]. Уникальность индонезийского подхода заключается в активном вовлечении двух крупнейших мусульманских организаций страны – Нахдатул Улама и Мухаммадия, совокупно насчитывающих более 80 млн последователей [16, с. 27]. Таким образом, была создана сеть молодежных цифровых амбассадоров, которые ежедневно производят контент на индонезийском языке, продвигающий ценности умеренного ислама и межрелигиозной толерантности. Молодежные организации, такие как “Young Peacemakers”, объединяют более 5000 активистов, которые проводят онлайн-кампании по продвижению межрелигиозного и межэтнического диалога. Молодые лидеры используют креативные форматы контента – от коротких видео для TikTok до подкастов и онлайн-фестивалей, адаптируя традиционные религиозные послания под современные цифровые форматы.

¹ Принадлежит компании Meta, деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

Сингапур реализует высокотехнологичную стратегию противодействия цифровой радикализации, основанную на сочетании жесткого законодательного регулирования с масштабными инвестициями в развитие позитивных цифровых инициатив. Закон о защите от онлайн-манипуляций и дезинформации (POFMA), принятый в 2019 г., предоставил правительству широкие полномочия по контролю за цифровым контентом и оперативному реагированию на распространение экстремистских материалов в социальных сетях [33]. Министерство внутренних дел Сингапура создало специализированное подразделение цифровой разведки, использующее передовые технологии искусственного интеллекта для мониторинга социальных сетей на четырех официальных языках страны. Система раннего предупреждения позволяет выявлять признаки радикализации на начальных этапах через анализ поведенческих паттернов пользователей и семантический анализ контента.

Отличительной особенностью сингапурского подхода является акцент на развитие государственно-частного партнерства в сфере цифровой безопасности. Правительство создало хаб “Digital Defense Alliance”, объединяющий ведущие технологические компании, исследовательские центры и правоохранительные органы. В рамках альянса разрабатываются новые технологические решения для противодействия радикализации, включая системы автоматического распознавания экстремистского контента на основе нейросетей [25, с. 640]. Значительные ресурсы направляются на поддержку позитивных молодежных инициатив в цифровом пространстве. Государственный фонд “Digital Youth Innovation” ежегодно финансирует более 100 молодежных проектов, направленных на развитие межкультурного диалога и продвижение ценностей мультикультурного общества через социальные сети. Особое внимание уделяется проектам, использующим инновационные форматы контента – от иммерсивных VR-экспериментов до интерактивных образовательных игр [45, с. 172].

Сингапур активно развивает международное сотрудничество в сфере противодействия цифровой радикализации. Страна инициировала создание региональной платформы обмена информацией об экстремистском контенте, объединяющей правоохранительные органы стран АСЕАН. Сингапурский центр передового опыта по противодействию терроризму регулярно проводит международные тренинги по выявлению и предотвращению онлайн-радикализации.

Выводы

В странах Глобального Юга наблюдается формирование гибридных идеологий, сочетающих элементы религиозного экстремизма, этнического национализма и социального протеста. Цифровые платформы становятся пространством для синтеза радикальных идей и создания новых форм экстремистской пропаганды, ориентированной на молодежную аудиторию. Прогнозируя развитие ситуации на среднесрочную перспективу, следует ожидать дальнейшего усиления роли цифровых технологий в процессах радикализации молодежи. Расширение доступа к интернету и смартфонам в странах Глобального Юга создаст дополнительные возможности для распространения радикального контента. Технологические инновации, включая развитие систем виртуальной реальности и deepfake, позволят экстремистским группировкам создавать более убедительные пропагандистские материалы.

Результаты исследования указывают на необходимость совершенствования международных механизмов противодействия цифровой радикализации. Перспективным направлением представляется развитие систем раннего предупреждения, основанных на технологиях искусственного интеллекта и анализе больших данных. Фактором успешного противодействия цифровой радикализации молодежи станет укрепление международного сотрудничества между правоохранительными органами, технологическими компаниями и организациями гражданского общества.

Список литературы

1. Гуторов, В. А. Терроризм как теоретическая и историческая проблема: некоторые аспекты интерпретации / В. А. Гуторов, А. А. Ширинянц // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 3. – С. 30–54. – doi: 10.17976/jpps/2017.03.03.
2. Курылев, К. П. Сетевая природа международного терроризма и возможности консолидации российского общества / К. П. Курылев, А. В. Абрамов, С. Н. Федорченко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2017. – Т. 17, № 4. – С. 738–748. – doi: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-738-748
3. Мурадова, А. Г. Социальные сети как инструмент для пропаганды терроризма и противодействие террористическим структурам в СМИ в странах СНГ / А. Г. Мурадова, М. В. Таяновский, Д. Сэнсук // Постсоветские исследования. – 2023. – Т. 6, № 1. – С. 30–41.
4. Рогожина, Н. Г. Борьба с исламским терроризмом в Юго-Восточной Азии / Н. Г. Рогожина // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64, № 8. – С. 27–36. – doi: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-27-36.
5. Чикризова, О. С. Проблема терроризма на постсоветском пространстве / О. С. Чикризова, А. А. Шумакова // Постсоветские исследования. – 2020. – Т. 3, № 4. – С. 290–301.

6. Aguilar-Forero, N. Las cuatro co de la acción colectiva juvenil: el caso del paro nacional de Colombia (noviembre 2019 – enero 2020) / N. Aguilar-Forero // *Análisis Político*. – 2020. – T. 33, № 98. – C. 26–43. – doi: 10.15446/apol.v33n98.89408.
7. Allais, P. Countering Radicalization and Terrorism in Indonesia / P. Allais // *Handbook of Security Science*. – Cham : Springer, 2022. – P. 1085–1107. – doi: 10.1007/978-3-319-91875-4.
8. Álvarez-Rodríguez, A. A. El Paro nacional del 2021 en Colombia: estallido social entre dinámicas estructurales y de coyuntura. La relevancia de la acción política y del diálogo en su desarrollo y transformación / A. A. Álvarez-Rodríguez // *Prospectiva*. – 2022. – № 33. – P. 1–12. – doi: 10.25100/prts.v0i33.11864.
9. Bamsey, O. The Role of the Internet in Radicalisation to Violent Extremism / O. Bamsey, R. Montasari // *Digital Transformation in Policing: The Promise, Perils and Solutions*. – Cham : Springer, 2023. – P. 119–135. – doi: 10.1007/978-3-031-09691-4_7.
10. Bovina, I. B. Radicalization in the digital society: A social psychological analysis / I. B. Bovina, B. G. Bovin, N. V. Dvoryanchikov // *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. – 2022. – Vol. 19, № 2. – P. 336–351. – doi: 10.22363/2313-1683-2022-19-2-336-351.
11. Burston, A. Digitally mediated spillover as a catalyst of radicalization: How digital hate movements shape conservative youth activism / A. Burston // *Social Processes of Online Hate*. – London : Routledge, 2024. – P. 144–167. – doi: 10.4324/9781003472148-7.
12. Busch, E. The Weaponisation of Deepfakes / E. Busch, J. Ware, I. P. Brief. – The Hague : ICCT, 2023. – 20 p.
13. Digital in APAC 2023 – Indonesia report // We Are Social. – URL: <https://wearesocial.com/wp-content/uploads/2023/03/Digital-2023-Indonesia.pdf> (дата обращения: 04.11.2024).
14. Dogan, H. Narrative Characteristics in Refugee Discourse: An Analysis of American Public Opinion on the Afghan Refugee Crisis After the Taliban Takeover / H. Dogan, K. Nguyen, I. Lourentzou // *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*. – 2024. – Vol. 8, № CSCW1. – P. 1–31. – doi: 10.1145/3653703.
15. El Ghamari, M. Online platforms as an environment for multidimensional radicalization / M. El Ghamari // *The Extremist Symbolism and Rhetoric of the Daesh Terrorist Organization*. – London : Routledge, 2023. – P. 22–65.
16. Fahrudin, E. Pentingnya Memahami Cyber Security di Era Transformasi Digital pada Pesantren Daar El Manshur Depok / E. Fahrudin, R. Subariah, N. Nurhidayatulloh // *JIPM: Jurnal Inovasi Pengabdian Masyarakat*. – 2024. – Vol. 2, № 1. – P. 25–28. – doi: 10.55903/jipm.v2i1.143.
17. Global Employment Trends for Youth 2024. URL: <https://www.ilo.org/publications/major-publications/global-employment-trends-youth-2024> (дата обращения: 04.11.2024).
18. González, R. The 2019–2020 Chilean protests: A first look at their causes and participants / R. González, C. L. F. Morán // *International Journal of Sociology*. – 2020. – Vol. 50, № 3. – P. 227–235. – doi: 10.1080/00207659.2020.1752499.
19. Great Power Competition Conference 2021, GEN Richard D. Clarke, Commander, U. S. Special Operations. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZXj2iRRovhM> (дата обращения: 04.11.2024).
20. Grzegorzewski, M. The Taliban's Exploitation of Afghan Information and Information Systems / M. Grzegorzewski, M. Spencer, K. Brown // *The Great Power Competition Volume 4: Lessons Learned in Afghanistan*. – Cham : Springer, 2023. – P. 129–148. – doi: 10.1007/978-3-031-22934-3_7.
21. Hechler, S. Why Chile “woke up”: Antecedents of the formation of prochange group consciousness promoting collective action / S. Hechler // *Political Psychology*. – 2024. – Vol. 45, № 1. – P. 3–21. – doi: 10.1111/pops.12906.
22. Internet Penetration over time, World Development Indicators. – URL: <https://data-bank.worldbank.org/Internet-Penetration-over-time/id/3bdec3cd> (дата обращения: 04.11.2024).
23. Khan, A. Exploring the diverse impacts of radicalised violent ideologies on societal dynamics / A. Khan // *Russian Law Journal*. – 2023. – Vol. 11, № 2. – P. 531–540.
24. Lopera, C. A. A. Paro Nacional de 2021 en Colombia. Arte, performance digital y árbol de contenidos / C. A. A. Lopera, L. M. S. Vásquez, J. A. M. Valencia, S. V. Mesa // *Revista Luciérnaga-Comunicación*. – 2022. – Vol. 14, № 28. – P. 13–31. – doi: 10.33571/revistaluciernaga.v14n28.a2.
25. Matthews, R. Singapore's 'Total Defence' Strategy / R. Matthews, F. Bintang Timur // *Defence and Peace Economics*. – 2024. – T. 35, № 5. – P. 638–658. – doi: 10.1080/10242694.2023.2187924.
26. Meleagrou-Hitchens, A. The impact of digital communications technology on radicalization and recruitment / A. Meleagrou-Hitchens, A. Alexander, N. Kaderbhai // *International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944)*. – 2017. – Vol. 93, № 5. – P. 1233–1249.

27. Montasari, R. The impact of technology on radicalisation to violent extremism and terrorism in the contemporary security landscape / R. Montasari // *Cyberspace, Cyberterrorism and the International Security in the Fourth Industrial Revolution: Threats, Assessment and Responses*. – Cham : Springer International Publishing, 2024. – P. 109–133. – doi: 10.1007/978-3-031-50454-9_7.
28. Mozur, P. How the Taliban Turned Social Media Into a Tool for Control / P. Mozur, Z. Ur-Rehman // *International New York Times*. – 2021. – P. 43–57.
29. Naula, M. C. De la calle a la pantalla: cobertura de las protestas de octubre 2019 en Ecuador a través de Instagram / M. C. Naula // *#PerDebate*. – 2020. – Vol. 4, № 1. – P. 298–313. – doi: 10.18272/pd.v4i1.1974.
30. Nuraniyah, N. Evolution of Online Violent Extremism in Indonesia and the Philippines / N. Nuraniyah. – 2022. – URL: https://static.rusi.org/20190711_grntt_paper_5.pdf (дата обращения: 04.11.2024).
31. Padoan, E. ¿Chile Despertó? Politics and Anti-Politics in Contemporary Chile / E. Padoan // *Latin America at a Glance*. – 2024. – P. 37–45. – doi: 10.9791255352204-1.
32. Paterson, T. Indonesian cyberspace expansion: a double-edged sword / T. Paterson // *Journal of Cyber Policy*. – 2019. – Vol. 4, № 2. – P. 216–234. – doi: 10.1080/23738871.2019.1627476.
33. Protection from Online Falsehoods and Manipulation Act, 2019. – URL: <https://www.pof-maoffice.gov.sg/regulations/protection-from-online-falsehoods-and-manipulation-act/> (дата обращения: 04.11.2024).
34. Protests Erupt Across Chile, 2019. – URL: <https://www.theatlantic.com/photo/2019/10/photos-protests-erupt-across-chile/600502/> (дата обращения: 04.11.2024).
35. Quintero, J. D. G. Movilización social, transnacionalismo político y comunicación en redes sociales: el caso de #SOSColombia en Twitter / J. D. G. Quintero, C. S. Álvarez // *Temas y Problemas de Comunicación*. – 2023. – № 21. – P. 79–110. – doi: 10.15446/anpol.v33n98.89408.
36. Rabasa, A. The Muslim World After 9/11, 2004 / A. Rabasa, C. Benard, P. Chalk, C. C. Fair, T. Karasik, R. Lal, I. Lesser, D. Thaler. – URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2004/RAND_MG246.pdf (дата обращения: 04.11.2024).
37. Rivera, S. Seeking justice on social media: Funas as a localized form of Latin American youth activism / S. Rivera // *New Media & Society*. – 2024. – P. 65–83. – doi: 10.1177/14614448241283943.
38. Schmidt, L. Aesthetics of authority: 'Islam Nusantara' and Islamic 'radicalism' in Indonesian film and social media / L. Schmidt // *Religion*. – 2021. – Vol. 51, № 2. – P. 237–258. – doi: 10.1080/0048721X.2020.1868387.
39. Sivagurunathan, D. G. Building Digital Resilience in Preventing and Countering Violent Extremism / D. G. Sivagurunathan // *Southeast Asia Regional Centre for Counter-Terrorism*. – 2023. – P. 136–140.
40. Sukarieh, M. The global securitisation of youth / M. Sukarieh, S. Tannock // *Third World Quarterly*. – 2018. – Vol. 39, № 5. – P. 854–870. – doi: 10.1080/01436597.2017.1369038.
41. The Radicalization (and Counter-radicalization) Potential of Artificial Intelligence. – URL: <https://www.icct.nl/publication/radicalization-and-counter-radicalization-potential-artificial-intelligence> (дата обращения: 04.11.2024).
42. The State of Mobile Internet Connectivity 2024. – URL: <https://www.gsma.com/r/wp-content/uploads/2024/10/The-State-of-Mobile-Internet-Connectivity-Report-2024.pdf> (дата обращения: 04.11.2024).
43. Van de Weert, A. Early detection of extremism? The local security professional on assessment of potential threats posed by youth / A. Van de Weert, Q. A. M. Eijkman // *Crime, Law and Social Change*. – 2020. – Vol. 73. – P. 491–507. – doi: 10.1007/s10611-019-09877-y.
44. Vera, O. Paro Nacional: los días de tropel digital / O. Vera // *Zegusqua*. – 2022. – № 1. – P. 14–21.
45. Vlaicu, M. Singapore: balancing between west and east / M. Vlaicu // *International Scientific Conference Strategies XXI—The Complex and Dynamic Nature of the Security Environment*. – Carol I National Defence University Publ. House, 2024. – Vol. I. – P. 169–176.
46. Whittaker, J. Rethinking online radicalization / J. Whittaker // *Perspectives on Terrorism*. – 2022. – Vol. 16, № 4. – P. 27–40.
47. Wischerath, D. Spreading the Word: Exploring a Network of Mobilizing Messages in a Telegram Conspiracy Group / D. Wischerath // *Extended Abstracts of the CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. – 2024. – P. 1–8. – doi: 10.1145/3613905.3651888
48. Youth People. 5th United Nations Conference on the Least Developed Countries (LDC5). – URL: <https://www.un.org/ldc5/youth> (дата обращения: 04.11.2024).

References

1. Gutorov, V. A., Shirinyants, A. A. Terrorizm kak teoreticheskaya i istoricheskaya problema: nekotorye aspekty interpretatsii [Terrorism as a Theoretical and Historical Problem: Some Aspects of Interpretation]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. 2017, no. 3, pp. 30–54, doi: 10.17976/jpps/2017.03.03
2. Kurylev, K. P., Abramov, A. V., Fedorchenko, S. N. Setevaya priroda mezhdunarodnogo terrorizma i vozmozhnosti konsolidatsii rossiyskogo obshchestva [The Network Nature of International Terrorism and the Possibilities of Consolidating Russian Society]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya "Mezhdunarodnye otnosheniya"* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. International Relations Series]. 2017, vol. 17, no. 4, pp. 738–748, doi: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-738-748
3. Muradova, A. G., Tayanovskiy, M. V., Sensuk, D. Sotsialnye seti kak instrument dlya propagandy terrorizma i protivodeystvie terroristicheskim strukturam v SMI v stranakh SNG [Social Networks as a Tool for Propaganda of Terrorism and Counteraction to Terrorist Structures in the Media in the CIS Countries]. *Postsoverskie issledovaniya* [Post-Soviet Studies]. 2023, vol. 6, no. 1, pp. 30–41.
4. Rogozhina, N. G. Borba s islamskim terrorizmom v Yugo-Vostochnoy Azii [The Fight Against Islamic Terrorism in Southeast Asia]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. 2020, vol. 64, no. 8, pp. 27–36, doi: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-27-36
5. Chikrizova, O. S., Shumakova, A. A. Problema terrorizma na postsovetском prostranstve [The Problem of Terrorism in the Post-Soviet Space]. *Postsoverskie issledovaniya* [Post-Soviet Studies]. 2020, vol. 3, no. 4, pp. 290–301.
6. Aguilar-Forero, N. Las cuatro co de la acción colectiva juvenil: el caso del paro nacional de Colombia (noviembre 2019–enero 2020) [The Four Co's of Youth Collective Action: The Case of Colombia's National Strike (November 2019–January 2020)]. *Análisis Político*. 2020, vol. 33, no. 98, pp. 26–43, doi: 10.15446/anpol.v33n98.89408.
7. Allais, P. Countering Radicalization and Terrorism in Indonesia. *Handbook of Security Science*. Cham: Springer; 2022, pp. 1085–1107, doi: 10.1007/978-3-319-91875-4.
8. Álvarez-Rodríguez, A. A. El Paro nacional del 2021 en Colombia: estallido social entre dinámicas estructurales y de coyuntura. La relevancia de la acción política y del diálogo en su desarrollo y transformación [The 2021 National Strike in Colombia: Social Eruption Between Structural and Conjunctural Dynamics. The Relevance of Political Action and Dialogue in its Development and Transformation]. *Prospectiva*. 2022, no. 33, pp. 1–12, doi: 10.25100/prts.v0i33.11864.
9. Bamsey, O., Montasari, R. The Role of the Internet in Radicalisation to Violent Extremism. *Digital Transformation in Policing: The Promise, Perils and Solutions*. Cham: Springer; 2023, pp. 119–135, doi: 10.1007/978-3-031-09691-4_7.
10. Bovina, I. B., Bovin, B. G., Dvoryanchikov, N. V. Radicalization in the digital society: A social psychological analysis. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2022, vol. 19, no. 2, pp. 336–351, doi: 10.22363/2313-1683-2022-19-2-336-351.
11. Burston, A. Digitally mediated spillover as a catalyst of radicalization: How digital hate movements shape conservative youth activism. *Social Processes of Online Hate*. London: Routledge, 2024, pp. 144–167, doi: 10.4324/9781003472148-7.
12. Busch, E., Ware, J., Brief, I. P. *The Weaponisation of Deepfakes*. The Hague: ICCT; 2023, 20 p.
13. *Digital in APAC 2023 – Indonesia report. We Are Social*. Available at: <https://wearesocial.com/wp-content/uploads/2023/03/Digital-2023-Indonesia.pdf> (accessed: 04.11.2024).
14. Dogan, H., Nguyen, K., Lourentzou, I. Narrative Characteristics in Refugee Discourse: An Analysis of American Public Opinion on the Afghan Refugee Crisis After the Taliban Takeover. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*. 2024, vol. 8, no. CSCW1, pp. 1–31, doi: 10.1145/3653703.
15. El Ghamari, M. Online platforms as an environment for multidimensional radicalization. *The Extremist Symbolism and Rhetoric of the Daesh Terrorist Organization*. London: Routledge; 2023, pp. 22–65.
16. Fahrudin, E., Subariah, R., Nurhidayatulloh, N. Pentingnya Memahami Cyber Security di Era Transformasi Digital pada Pesantren Daar El Manshur Depok [The Importance of Understanding Cyber Security in the Era of Digital Transformation at Daar El Manshur Islamic Boarding School Depok]. *JIPM: Jurnal Inovasi Pengabdian Masyarakat*. 2024, vol. 2, no. 1, pp. 25–28, doi: 10.55903/jipm.v2i1.143.
17. *Global Employment Trends for Youth 2024. International Labour Organization*. Available at: <https://www.ilo.org/publications/major-publications/global-employment-trends-youth-2024> (accessed: 04.11.2024).

18. González, R., Morán, C. L. F. The 2019–2020 Chilean protests: A first look at their causes and participants. *International Journal of Sociology*. 2020, vol. 50, no. 3, pp. 227–235, doi: 10.1080/00207659.2020.1752499.
19. *Great Power Competition Conference 2021*, GEN Richard D. Clarke, Commander, U.S. Special Operations. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=ZXj2iRRovhM> (accessed: 04.11.2024).
20. Grzegorzewski, M., Spencer, M., Brown, K. The Taliban's Exploitation of Afghan Information and Information Systems. *The Great Power Competition Volume 4: Lessons Learned in Afghanistan*. Cham: Springer, 2023, pp. 129–148, doi: 10.1007/978-3-031-22934-3_7.
21. Hechler, S. Why Chile “woke up”: Antecedents of the formation of prochange group consciousness promoting collective action. *Political Psychology*. 2024, vol. 45, no. 1, pp. 3–21, doi: 10.1111/pops.12906.
22. *Internet Penetration over time, World Development Indicators. The World Bank*. Available at: <https://databank.worldbank.org/Internet-Penetration-over-time/id/3bdec3cd> (accessed: 04.11.2024).
23. Khan, A. Exploring the diverse impacts of radicalised violent ideologies on societal dynamics. *Russian Law Journal*. 2023, vol. 11, no. 2, pp. 531–540.
24. Lopera, C. A. A., Vásquez, L. M. S., Valencia, J. A. M., Mesa, S. V. Paro Nacional de 2021 en Colombia. Arte, performance digital y árbol de contenidos [National Strike of 2021 in Colombia. Art, Digital Performance and Content Tree]. *Revista Luciérnaga-Comunicación*. 2022, vol. 14, no. 28, pp. 13–31, doi: 10.33571/revistaluciernaga.v14n28.a2.
25. Matthews, R., Bintang Timur, F. Singapore's 'Total Defence' Strategy. *Defence and Peace Economics*. 2024, vol. 35, no. 5, pp. 638–658, doi: 10.1080/10242694.2023.2187924.
26. Meleagrou-Hitchens, A., Alexander, A., Kaderbhai, N. The impact of digital communications technology on radicalization and recruitment. *International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944)*. 2017, vol. 93, no. 5, pp. 1233–1249.
27. Montasari, R. The impact of technology on radicalisation to violent extremism and terrorism in the contemporary security landscape. *Cyberspace, Cyberterrorism and the International Security in the Fourth Industrial Revolution: Threats, Assessment and Responses*. Cham: Springer International Publishing, 2024, pp. 109–133, doi: 10.1007/978-3-031-50454-9_7.
28. Mozur, P., Ur-Rehman, Z. How the Taliban Turned Social Media Into a Tool for Control. *International New York Times*. 2021, pp. 43–57.
29. Naula, M. C. De la calle a la pantalla: cobertura de las protestas de octubre 2019 en Ecuador a través de Instagram [From the Street to the Screen: Coverage of the October 2019 Protests in Ecuador Through Instagram]. *#PerDebate*. 2020, vol. 4, no. 1, pp. 298–313, doi: 10.18272/pd.v4i1.1974.
30. Nuraniyah, N. *Evolution of Online Violent Extremism in Indonesia and the Philippines*. 2022. Available at: https://static.rusi.org/20190711_grntt_paper_5.pdf (accessed: 04.11.2024).
31. Padoan, E. ¿Chile Despertó? Politics and Anti-Politics in Contemporary Chile. *Latin America at a Glance*. 2024, pp. 37–45, doi: 10.9791255352204-1.
32. Paterson, T. Indonesian cyberspace expansion: a double-edged sword. *Journal of Cyber Policy*. 2019, vol. 4, no. 2, pp. 216–234, doi: 10.1080/23738871.2019.1627476.
33. *Protection from Online Falsehoods and Manipulation Act, 2019*. Available at: <https://www.pofmaoffice.gov.sg/regulations/protection-from-online-falsehoods-and-manipulation-act/> (accessed: 04.11.2024).
34. *Protests Erupt Across Chile, 2019*. Available at: <https://www.theatlantic.com/photo/2019/10/photos-protests-erupt-across-chile/600502/> (accessed: 04.11.2024).
35. Quintero, J. D. G., Álvarez, C. S. Movilización social, transnacionalismo político y comunicación en redes sociales: el caso de #SOSColombia en Twitter [Social Mobilization, Political Transnationalism and Communication in Social Networks: The Case of #SOSColombia on Twitter]. *Temas y Problemas de Comunicación*. 2023, no. 21, pp. 79–110, doi: 10.15446/anpol.v33n98.89408.
36. Rabasa, A., Benard, C., Chalk, P., Fair, C. C., Karasik, T., Lal, R., Lesser, I., Thaler, D. *The Muslim World After 9/11, 2004*. Available at: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2004/RAND_MG246.pdf (accessed: 04.11.2024).
37. Rivera, S. Seeking justice on social media: Funas as a localized form of Latin American youth activism. *New Media & Society*. 2024, pp. 65–83, doi: 10.1177/14614448241283943.
38. Schmidt, L. Aesthetics of authority: 'Islam Nusantara' and Islamic 'radicalism' in Indonesian film and social media. *Religion*. 2021, vol. 51, no. 2, pp. 237–258, doi: 10.1080/0048721X.2020.1868387.
39. Sivagurunathan, D. G. Building Digital Resilience in Preventing and Countering Violent Extremism. *Southeast Asia Regional Centre for Counter-Terrorism*. 2023, pp. 136–140.
40. Sukarieh, M., Tannock, S. The global securitisation of youth. *Third World Quarterly*. 2018, vol. 39, no. 5, pp. 854–870, doi: 10.1080/01436597.2017.1369038.

41. *The Radicalization (and Counter-radicalization) Potential of Artificial Intelligence*. Available at: <https://www.icct.nl/publication/radicalization-and-counter-radicalization-potential-artificial-intelligence> (accessed: 04.11.2024).
42. *The State of Mobile Internet Connectivity 2024*. Available at: <https://www.gsma.com/r/wp-content/uploads/2024/10/The-State-of-Mobile-Internet-Connectivity-Report-2024.pdf> (accessed: 04.11.2024).
43. Van de Weert, A., Eijkman, Q. A. M. Early detection of extremism? The local security professional on assessment of potential threats posed by youth. *Crime, Law and Social Change*. 2020, vol. 73, pp. 491–507, doi: 10.1007/s10611-019-09877-y.
44. Vera, O. Paro Nacional: los días de tropel digital [National Strike: The Days of Digital Upheaval]. *Zegasus*. 2022, no. 1, pp. 14–21.
45. Vlaicu, M. Singapore: balancing between west and east. *International Scientific Conference Strategies XXI-The Complex and Dynamic Nature of the Security Environment*. Carol I National Defence University Publ. House, 2024, Vol I, pp. 169–176.
46. Whittaker, J. Rethinking online radicalization. *Perspectives on Terrorism*. 2022, vol. 16, no. 4, pp. 27–40.
47. Wischerath, D. Spreading the Word: Exploring a Network of Mobilizing Messages in a Telegram Conspiracy Group. *Extended Abstracts of the CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. 2024, pp. 1–8, doi: 10.1145/3613905.3651888.
48. *Youth People. 5th United Nations Conference on the Least Developed Countries (LDC5)*. Available at: <https://www.un.org/ldc5/youth> (accessed: 04.11.2024).

Сведения об авторе

Холов С. Х. – аспирант.

Information about the author

Kholov S. Kh. – postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 24.03.2025; одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 24.03.2025; approved after reviewing 28.04.2025; accepted for publication 30.06.2025.